Амнистия. Брат Дей Иванович Мазаев

В последнее время получил в Церкви Божьей довольно сильное распространение иной язык, и это внушает мне серьёзные опасения. Язык этот, хоть я называю его «иным», с теми иными языками, о которых мы узнаем из Писания, ничего общего не имеет. Те языки приходили свыше и, как проявление Духа Святого, служили к назиданию Церкви, «на пользу», и я иногда даже жалею, что те языки «умолкли» и не дошли до нас; этот же язык пришёл к нам не свыше, а просто с улицы и не на пользу, а ко вреду и — скажу откровенно — я не только не желаю, чтобы им мои братья «обогатились», а молюсь Богу, чтобы он тоже умолк и, как можно скорее. Особенно распространённые и опасные слова этого языка — «старый режим», «амнистия» и проч. Эти слова имеют известное значение и, если будут в устах Церкви иметь своё хоть некоторое применение, то от этого кроме вреда ожидать ничего нельзя. Есть слова более или менее невинные и безвредные и, хотя они как-то режут наш слух и оскорбляют наше христианское, привыкшее к чистому молоку слова Божия - чувство, но против них я особенно не возражаю — пусть наши братья, если хотят щегольнуть каким-нибудь иностранным словцом, делают это (хотя если они этого делать не будут, я не пожалею).

Например, — одна община, несвоевременно получившая приглашение на съезд, пишет, что они не могут считать наш съезд «учредительным» и считают его лишь «предварительным». Или один брат с церковной кафедры, говоря о беседе Иисуса Христа с Никодимом, заявил, что у Иисуса Христа с Никодимом произошёл «конфликт» и проч. Эти слова, — как я сказал выше, — невинные и безвредные; но и они — говоря строго — не безвредны и тоже до известной степени вредны: это воды из чужого источника, и они приучают наших братьев к мирскому и могут иметь своим следствием то, что Церковь начнёт приспосабливаться к веяниям этим.

Чуть не вчера был у меня пресвитер общины наших братьев из соседнего города и передал мне,

что у них в общине образовалась небольшая группа, всячески настаивающая на том, чтобы всех отлученных объявить «амнистированными» и принять их в Церковь, не требуя ни от кого из них никакого извинения, и все своё домогательство основывают лишь исключительно на том, что теперь вследствие совершившегося в нашем отечестве переворота (революции 1917 года) дарована амнистия даже уголовным преступникам. Вот чего я ожидаю и в других общинах от этого «иного» языка, вот чего именно я боюсь и против чего возношу мой голос!

Вся опасность и весь вред главным образом в том, что одни по неразумению, не допонимая, а другие проповедуя «нечисто», смешивают амнистию с прощением, а прощение хотят переделать в амнистию и т.д., содержать в себе два совершенно отдельных одно от другого понятия и смешиваемые быть ни в коем случае не могут: прощение — принадлежит всецело к делам Церкви и занимает очень видное и очень важное место, ибо является одной из первых ступеней к выходу человека из печального положения осуждения в лучшее состояние — оправдания. Прощение нельзя без ущерба для дела Божьего отменить, и его нельзя ничем другим заменить, ибо иначе Церковь перестанет быть Церковью. Амнистия же не есть что-то церковное, священное, а есть что-то всецело мирское и в делах Церкви совершенно неприложимое. — Для того, чтобы моя мысль была понята яснее, я попрошу читателей рассмотреть два случая, описанных в Новом Завете.

Первый случай был с разбойником, распятым на кресте, которому Распятый Господь сказал великие слова любви и благодати: — «ныне же будешь со Мною в раю». Второй случай — так как на всякий праздник у евреев обыкновенно отпускался какой-нибудь узник, то был в честь праздника Пасхи освобождён от заслуженного наказания известный разбойник Варавва.

В первом из этих двух случаев было христианское прощение, а в последнем — царская амнистия. Разница, отделяющая один от другого эти два случая, состоит в том, что в первом случае всё основывалось на сознании виновного: «мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли», а на просьбу, «помяни меня, Господи, когда придёшь в царствие Твоё», — без чего прощение никогда не бывало и быть не может; в последнем же случае все основывалось не на сознании виновного, — чего при амнистиях совсем не требуется, — а на праздник Пасхи, или — говоря современным, «иным» языком, — на величие переживаемого времени. Но разница эта этим не ограничивается, а с ещё большей силой открывается в последствиях, в результатах, так: разбойник вследствие своего прошения получил возможность войти в рай, а Варавва вследствие своей амнистии лишь получил возможность возвратиться в свой еврейский катал (*Кага́л (иврит קָהָל — букв. «толпа») в широком смысле слова — община (громада, мир) евреев, в узком — административная форма самоуправления евреев Польши и других стран Восточной Европы в XVI—XVIII веках в Российской империи 1772—1893 годов*). Отсюда ясно, что амнистия, основывающаяся исключительно на внешних мирских переворотах, даёт человеку блага лишь мирские: лишь возвращает человеку утраченные им гражданские права, против же, основывающееся исключительно только на внутреннем духовном перевороте человека, — даёт ему блага духовные: мир, радость во Святом Духе, сладостную надежду и ведёт его в рай... А потому, зная, что грех не проходит сам собою, как бывает проходят сами собою некоторые болезни, и что от ответственности за грех не освобождает человека никакая давность, и что даже самая широкая амнистия, основанная на самых больших праздниках или на самых выдающихся и самых торжественных случаях переживаемого времени, освободить от него и от

ответственности за него не в силах, и что единственный выход из этого положения «узкие врата», ведущие в жизнь - есть покаяние (Иак. 5:16; Лук. 17:3-4), мы не имеем права и не должны — подобно лжепророкам Израиля — врачевать раны народа легкомысленно, а должны относиться к делу со всей серьёзностью и, имея целью не столько ввести человека в Церковь, сколько — ввести его в рай, обязаны принять все меры к тому, чтобы убедить человека сознать свою вину и искренне в ней перед Господом и Его Церковью раскаяться...

Далее. Когда я размышляю о домогательствах разных ходатайств за приём отлученных без покаяния, то у меня невольно возникает вопрос: — что хотят эти люди для человека, за которого они так усиленно хлопочут, — пользы или вреда? Сказать, что они сознательно хотят человеку вреда, — язык не поворачивается, ибо невозможно, чтобы человек, хоть сколько-нибудь знающий Слово Господне, мог искать своему ближнему не пользы, а вреда; сказать же, что они желают им пользы, тоже нельзя, ибо какая может быть человеку польза от того, что он, виновный и справедливо «связанный» и на земле и на небесах, без покаяния будет впущен в Церковь? — неужели же он может думать, что одно пребывание человека в Церкви может само по себе его спасти? Жалкое и печальное заблуждение! Избежать суда церкви — ещё не значит избежать и Суда Божьего: избежать суда человеческого можно, а избежать Суда Божьего нельзя, и рано или поздно, но заслуженное наказание понести ему неминуемо придётся (Книга Левит 20:1-5, особенно 4 и 5)...

Но это ещё не все. Насколько я знаю наших отлученных, они далеко не все одинаковы, и что лучшие из них этому о них ходатайству совсем не радуются и войти в Церковь через посредство мирской амнистии ни за что не согласятся: они ищут не места, а ищут права на место, ибо что такое членство без права им даёт и в какое положение оно их ставит.. Худшие из отлученных ни с чем святым, конечно, не считаются, и им важно лишь быть в Церкви. Да простят мне братья, что я позволю себе рассказать ещё два случая.

Когда вышел закон, по которому дворянским обществам предоставлялось право принимать в свою среду разночинцев, купцов, мещан и даже, кажется, крестьян, то мне пришлось говорить по этому поводу с одним господином, которого считали первым кандидатом по новому закону в дворянство, и он мне сказал: «в дворянство я не пойду, так как настоящее дворянство приобретается или рождением или заслугой: по рождению я к дворянству не принадлежу и личных заслуг не имею; получить же дворянство лишь по милости дворянского общества — не интересно, ибо я не могу не думать о том, как там на меня посмотрят и о том также, как я себя должен буду там чувствовать». — Это первый случай. Так думал мой знакомый о дворянстве, и так думают лучшие из наших отлученных о Церкви...

Второй случай. Когда я жил в Кубанской области, то жил среди казаков малорусского племени, и мне однажды пришлось встретить казака, очень часто говорившего по-русски. Когда же я выразил ему моё удивление, то он мне сказал: «не удивляйтесь; я хотя и казак, но не малоросс, а чисто русский; я причислен к обществу». Я, зная, как неохотно казаки принимают в свою среду посторонних, спросил его, как это ему удалось уговорить казаков принять его, и он мне гордо ответил: «я ни перед кем не кланялся и никого не просил, а причислен к обществу, как отставной солдат, по Высочайшему повелению». Я не буду говорить о том, как там на него смотрели и о том также, как он себя там чувствовал, а только хочу сказать, что человек, состоит в

обществе и считает себя ни от кого не зависимым и никому не подчинённым — Такое положение хотят у нас в Церкви занять худшие из наших отлученных....

Теперь, думаю, моим читателям понятно, чего я хочу и за что я ратую. Я хочу, чтобы Церковь знала свои права и не отдавала их никому, чтобы она знала своё достоинство и защищала его; и чтобы она состояла лишь из таких членов, которые бы вошли «дверью» и которые бы сознавали и чувствовали свою от совокупности Церкви и от поставленных в ней Духом Святым пастырей и наставников зависимость и оказывали бы ей и им подобающую «сугубую» честь и необходимое подчинение. А затем я хочу и молю Господа, чтобы в ней не было членов, или прикомандированных к ней по Высочайшему повелению или вошедших в её состав вследствие каких-нибудь политических переворотов.

Согласные со мной, да скажут — Аминь!

Брат Д.И.М.

Комментарии
